

УДК 81`42

**ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И.И. ЛАЖЕЧНИКОВА В ТЕКСТАХ
ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ**

Чумак-Жунь И. И., Проскурнина Л. В.

**ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»,
Белгород**

E-mail: Chumak@bsu.edu.ru, proskurnina@bsu.edu.ru

В статье рассматривается роль прагматического компонента в исследовании языковой личности И. И. Лажечникова (на материале романов «Последний Новик», «Ледяной дом» и «Басурман»). Подчеркивается, что прагматический элемент целесообразно соотносить с модальностью, так как в основе понимания и прагматики, и модальности лежит представление об отношении говорящего к высказываемому. Именно модальность дает ключ к рассмотрению прагматического компонента в структуре языковой личности. Материалом исследования послужили предложения, содержащие субъективную модальность. Определена основная коммуникативная стратегия И. И. Лажечникова: автор – полноправный участник событий, описываемых в романах. Называются конкретные тактики: перволичный дейксис, диалогичность, авторские детальные описания, включение в исторический хронотоп, голос автора в ткани текста. Целью статьи является выявление формальных коррелятов прагматического уровня в структуре языковой личности И. И. Лажечникова.

Ключевые слова: прагматика, лингвопрагматика, модальность, речевой акт, языковая личность, исторический роман.

ВВЕДЕНИЕ

Своеобразным откликом на вызовы современной гуманитарной науки, перешедшей на рельсы антропоцентризма, является активное изучение в лингвистических исследованиях языковой личности. В работах последних десятилетий «по умолчанию» по отношению к проблеме языковой личности используются следующие постулаты:

1) языковая личность изучается в трех ипостасях – когнитивной, прагматической и вербально-семантической, что соответствует трехуровневой структуре, представленной в работах Ю. Н. Караулова. В соответствии с его теорией **при рассмотрении вербально-семантического уровня** для исследователя актуально «традиционное описание формальных средств выражения определенных значений»; **при переходе к изучению когнитивного уровня**, единицами которого являются понятия, идеи и концепты, складывающиеся у носителя языка в «картину мира»,

отражающую «иерархию ценностей, – выход к знанию, сознанию, процессам познания человека»; и, наконец, *уровень прагматический* обеспечивает в изучении и анализе языковой личности «закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире» [7, с. 5].

2) конкретным материалом изучения деятельности языковой личности является созданный им текст – «продукт речемыслительной деятельности людей, возникающий в процессе познания окружающей действительности, в процессе непосредственной коммуникации» [1, с. 3]. Именно через текст – через вербальную репрезентацию, через словесный рисунок – исследователь постигает картину мира художника слова и ее коммуникативную обусловленность, стремится постичь творческие мотивы и цели: «В тексте скрывается сам автор, текст – есть свидетельство о нём; каждое творение содержит в себе – в том или ином виде – образ своего творца» [9, с. 129].

Все вышесказанное открывает для лингвиста интереснейшие перспективы многовекторного и многоаспектного изучения языковой личности через призму текста, в том числе (и преимущественно) художественного. Среди активно разрабатываемых и наиболее трудно описываемых элементов в структуре языковой личности – прагматический, причем общепризнано, что трудности связаны с отсутствием устойчивых формальных коррелятов этого уровня. Для того чтобы обозначить исходные терминологические позиции, обратимся к определению Ю. Д. Апресяна, который под прагматикой понимает «закрепленную в языковой единице оценку говорящим следующих трех вещей: действительности, являющейся предметом сообщения, содержания сообщения и адресата» [2, с. 46]. Однако при исследовании художественного текста важным оказывается вопрос – как воспринимать категорию *говорящий*? Несомненно, языковая личность автора художественного текста традиционно связывается с проявлением его художественно-эстетической позиции, которая, в свою очередь, находит свое отражение в такой важной субъектной категории словесного выражения, как образ автора. Однако В. В. Виноградов, определяющий образ автора как «концентрированное воплощение сути произведения», писал о различиях автора и

самого писателя, определяя первого как «художественный лик автора», а второго как «не обращенный к читателю “образ писателя”» [4, с. 91]. Соответственно, в художественном тексте автор может выступать как в роли рассказчика, описывающего события, – автор-рассказчик (сторонний наблюдатель), так и в роли повествователя, оказывающего влияние на развитие сюжета, – автор-создатель действия.

С нашей точки зрения, особо показательны в исследовании прагматического уровня случаи, когда автор выступает «надтекстовым» повествователем-рассказчиком, который эксплицитно, демонстративно, определяет с помощью сигналов собственно языковой природы, буквально «по Апресяну», отношение: 1) к действительности, являющейся предметом сообщения, 2) к содержанию сообщения и 3) к адресату. Это надтекстовое положение автора отчетливо демонстрируется в текстах с так называемым «авторским включением», то есть в текстах, где образ автора прямо позиционируется с помощью перволичного местоимения единственного или множественного числа или аналогичных форм.

Следует заметить, что детально описанная (например, по отношению к гоголевским текстам) категория образа автора («художественный лик автора»), «отзеркаленная» в авторском включении, в лингвистических исследованиях в свете теории языковой личности, как правило, не рассматривается. Попытаемся именно в этом ключе проанализировать исторические романы И. И. Лажечникова, которые дают достаточно материала для определения специфики прагматикона писателя. Особенности изучения прагматического аспекта языковой личности И. И. Лажечникова связаны, в первую очередь, именно с тем, что автор не только описывает события и факты реальной действительности, но и стремится эксплицитно передать при помощи лексических и синтаксических единиц своё видение и понимание этих фактов, отношение к ним, а также, безусловно, оказать воздействие на читателя.

Несомненно, прагматикон писателя определяет прагматика текста, связанная и с конкретными коммуникативными задачами, и с речевой ситуацией: следует учитывать специфику личности автора (говорящего) – субъективный фактор, и

коммуникативную установку для адресата (читающего, слушающего). Традиционно считается, что «в состав прагматического уровня входят: пресуппозиция, дейксис, элементы метаязыковой рефлексии, разного рода оценки и предпочтения, прецедентные тексты, способы аргументации и программы поведения» [8, с. 16]. И здесь нельзя не обратиться к понятию модальности.

Так как языковая личность формирует свою систему воспроизведения и отражения окружающей действительности, опираясь на языковые средства, автор выражает субъективное отношение к реальности, трансформируя свой, субъективный, мир. Категория, с помощью которой писатель выражает свою оценку и отношение к описываемым явлениям и событиям, – модальность. Несомненно, модальность соотносима с прагматикой хотя бы потому, что в основе понимания и прагматики, и модальности лежит представление об отношении говорящего к высказываемому. Ср.: модальностью называют «разные явления, объединяемые тем признаком, что все они так или иначе – грамматически, лексически, интонационно – выражают отношение говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности» [11, с. 214]. Однако принято считать, что прагматика, в сравнении с модальностью, охватывает более широкий спектр языковых явлений. По меткому высказыванию Т. Ван Дейка, «язык насквозь пронизан прагматикой», тогда как модальность по существу – синтаксическая категория. Именно в таком ключе – как синтаксический феномен – рассматривается модальность в теории В. В. Виноградова, считающего, что «любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложения и выражает одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности» [3, с. 55].

Таким образом, понимаемая модальность дает ключ к рассмотрению прагматического компонента в структуре языковой личности.

Ряд исследователей – В. В. Виноградов, Е. Н. Орехова, В. В. Химик, Н. Ю. Шведова – противопоставляют объективную и субъективную модальность [3; 10; 15; 16]. Ученые сходятся во мнении, что объективная модальность присуща

любому высказыванию: «Каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение, т.е. содержит в себе указание на отношение к действительности» [3, с. 55]. Субъективная же модальность присуща не каждому высказыванию, поскольку говорящий может не выражать отношения к высказыванию.

Субъективная модальность диктует писателю выбор языковых средств, поскольку «состав речевых средств в структуре литературного произведения органически связан его «содержанием» и зависит от характера отношения к нему со стороны автора» [5, с. 192].

Субъективная модальность особенно важна в художественном дискурсе, поскольку писатель как языковая личность при помощи языковых средств воссоздает свою, субъективную, действительность. Именно знаки субъективной модальности и дают ключ к пониманию прагматического компонента в языковой личности И. И. Лажечникова.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Объектом художественного описания И. И. Лажечников избрал прошлое России: эпоху Ивана III («Басурман»), время царствования Анны Иоановны, названное бироновщиной («Ледяной дом»), и период Северной войны в период правления Петра I («Последний Новик»). В каждом из романов писатель стремится выполнить конкретные художественные задачи, представляя индивидуально-авторскую картину мира в виде соответствующей концептосферы. Но если изучение концептуального слоя языковой личности предполагает индивидуальный подход к каждому произведению, так как в каждом романе представлен отдельный фрагмент картины мира, связанный с определяющим идею романа концептом, то прагматическое намерение объединяет все романы, поэтому стоит рассматривать авторские включения комплексно, во всех трех произведениях.

Анализ показал, что **основная коммуникативная стратегия** И. И. Лажечникова: автор – полноправный участник событий, описанных в романах.

Эта стратегия реализуется посредством применения нескольких тактик, которые можно дифференцировать лишь условно, потому что они, как правило, используются комплексно. Акциональность в целом проявляется в ядерном положении перволичной эксплицитной модели и помещении в субъектную область основного говорящего, с которым автор отождествляет себя. Однако эту общую модель можно разделить на несколько составляющих, к которым мы обратимся:

- 1) перволичный дейксис (использование местоимения 1 лица – *я* и *мы* и аналогичных конструкций),
- 2) диалогичность (автор вступает в диалог с читателем),
- 3) авторские детальные описания,
- 4) включение в исторический хронотоп;
- 5) голос автора в ткани текста (использование разнообразных языковых средств).

Следует сказать, что «подключение читателя», условно говоря, происходит «по разным каналам»: когнитивному, перцептивному, эмотивному. В соответствии с этими направлениями, автор апеллирует к знаниям (познавательным механизмам), восприятию (перцепции) и к эмоциям читателя. В любом случае, присутствие автора в тексте произведения обнаруживается при введении коротких реплик от его имени в текст повествования.

I. «Когнитивное подключение» читателя.

- 1) Базовая тактика – *перволичный дейксис*.

Индивидуализированная репрезентация субъектного плана повествования (образ автора), выраженная, в том числе в формах перволичного дейксиса (личные местоимения *я* и *мы*), разграничивает исторический и художественный дискурсы.

Автор выступает как творец, создатель действия, детально разъясняющий читателю его ход. Обращаясь к сознанию и процессам познания читателя, он формирует знания, связанные с повествованием. Предикация маркирована: кроме случаев, когда субъект выражен формой первого лица единственного или множественного числа, используются и определенно-личные конструкции. «Когнитивное подключение» читателя реализует прагматический компонент смысла

высказывания, отражающий коммуникативную цель говорящего – передать информацию о высказываемом от своего лица. Определяющим в подобных случаях является *констатив* – один из базовых иллокутивных актов, коммуникативно-интенциональное содержание которого заключается в утверждении. Определим те конкретные «когнитивные шаги» по отношению к читателю, которые представлены в романах.

1. Объяснение содержания сообщения: «*Вот несколько слов, необходимых для пояснения происшествий...*» («Последний Новик»).

2. Объяснение логической последовательности событий: «*Для связи происшествий в памяти наших читателей скажем...*» («Последний Новик»). Этот пример наглядно показывает, что действие автора направлено на определенный объект – на читателя и имеет конкретную цель – связать события в сознании получателя в единую цепочку.

3. Напоминание читателю о сказанном: «*Помните, как он испугал первосвященника римского...*» («Басурман»).

4. Указание на последующее разворачивание событий. Чрезвычайно важным в следующем примере является указание автора, с одной стороны, на переживаемые им эмоции (словосочетание *жаль нам* указывает на эмоциональное отношение к героине романа – Катерине Рабе), а с другой, – на произвольность его действия (*история велит, придется*): «*Жаль нам Кете Рабе. Что ж делать? История велит нам вести ее к брачному алтарю*» («Последний Новик»).

5. Уточнение, «оформление» известной информации. В следующих контекстах, напоминая уже изложенные факты, автор вновь объединяет себя с читателем посредством дейктического элемента *мы*. «*Мы видели, что нетерпеливый характер государя разогрел душу военачальника упреком*» («Последний Новик»).

6. Объяснение композиционных особенностей текста с точки зрения его создателя: «*Говорите, что я это сделал, желая поместить где-нибудь романическое лицо Дмитрия Иоанновича <...> прибавьте, что я придумал и находку рукописей*» («Басурман»).

7. Объяснение описываемых фактов с точки зрения исторического контекста: «*Кажется, я уж сказал, что в тогдашнее время не было выгодной должности <...>*» (Басурман).

8. Определение своего отношения к описываемому: «*Но зимой <...> 1739/40 года, не желал бы я быть в Петербурге*» («Ледяной дом»).

9. Указание на определяющую роль автора в порождении текста. Замечательным образом в следующем предложении И. И. Лажечников разводит реальные события и художественное описание. Автор выступает в роли творца действия, движет развитие сюжета: «*Где были думы Волынского, неизвестно нам...*» («Ледяной дом»).

В целом, для использования этой тактики характерно включение глаголов речевой и познавательной деятельности: *скажем, знаем, узнаем, надо сказать*. С их помощью автор проявляет себя и заостряет внимание читателя на отдельных фактах повествования, а также обозначает свое отношение к ним. «*Знаем только, что она в два года умела приноровиться к русским обычаям...*» («Последний Новик»).

Кроме того, выражению позиции автора в тексте произведения способствует «когнитивное подключение» с помощью модальных частиц: *НАДО* – «*Надо прибавить, что денежные присылки от неизвестной особы давали ему способы жить прилично своему званию*» («Последний Новик») и *НУЖНО* – «*Нужно ли говорить, что этот момент должен быть проникнут идеей?*» («Басурман»).

Еще раз заметим, что наше деление на отдельные коммуникативные тактики является условным. Перволичный дейксис, который активно используется И. И. Лажечниковым, встречается и в авторских описаниях, и в диалогах автора с читателем.

2) Диалогичность.

Немаловажным элементом в структуре повествования текста является образ читателя, которому изначально предпослано в принципе любое художественное произведение. Обращаясь к читателю, писатель подключает авторское сознание.

В исторических романах И. И. Лажечникова обращение к адресату представлено в нескольких формах.

Апеллятив. В текстах своих романов И. И. Лажечников обращается непосредственно к самому читателю. «*Однако ж не подумай, читатель мой...*» («Последний Новик»).

Императив. Это обращение к читателю как к возможному собеседнику, выраженное императивом. «*Взгляните на рисунки индийских храмов...*» («Басурман»). Подобные контексты используются с целью акцентировать внимание читателя на мысли повествователя. Обращение выражается с помощью глаголов в форме второго лица множественного числа в повелительном наклонении: *сравните, взгляните, помните.*

Включение читателя в ход повествования. В ряде контекстов нет прямого обращения к читателю, но он упоминается автором, который пытается определить (угадать) мысли, чувства и желания адресата, используя предикативные конструкции *читатели догадались, они знают, читатели скажут, опытный наблюдатель видит и т.д. и т.п.:* «– Уловки романиста! – скажут, может быть, некоторые из моих читателей...!» («Басурман»).

В данных контекстах, выражая свое отношение, автор определяет читателя как опытного *наблюдателя.*

Вопросно-ответные контексты. Помимо этого, нужно отметить употребление в текстах исторических романов И. И. Лажечникова вопросно-ответных контекстов, способствующих усилению диалогичности общения автора с читателем. «*По какой же протекции получил он важный пост? Мать его – барская барыня в доме кабинет-министра*» («Ледяной дом»).

В текстах романов присутствуют и авторские толкования в виде пояснений и уточнений.

3) Авторские описания.

Одна из особенностей присутствия автора в тексте художественного произведения – это авторские описания, которые в текстах исторических романов И. И. Лажечникова построены как описания двух типов. Это, во-первых, собственно описания и, во-вторых, авторские толкования в виде пояснений и уточнений, которые могут быть как развернутые, так и краткие.

«Вот статная, красивая девушка из Торжка, с жемчужным венцом, наподобие сахарной головы; он прикрыт платком из тончайшей кисеи, которого концы, прячутся на груди. На лоб опускаются, как три виноградные кисти, рязки из крупного жемчуга, переливающего млечно-розовую белизну по каштановым волосам; искусно заплетенная коса, роскошь русской девы, с блестящим бантом и лентой из золотой бити, едва не касается до земли» («Ледяной дом»). В представленном контексте используется собственно авторское описание. Используя такие конкретные детали, как *статная, красивая девушка; с жемчужным венцом; платком из тончайшей кисеи; рязки из крупного жемчуга; млечно-розовая белизна; каштановые волосы; бант и лента из золотой бити*, И. И. Лажечников добивается впечатления присутствия на месте событий.

Несомненно прагматическое намерение – дать детальное описание женского образа того времени, одновременно представляя эстетический идеал прекрасного, находясь именно в традиционных аксиологических рамках. Здесь можно вспомнить сходные интенции, представленные в другом художественном дискурсе – изобразительном. Галерея русских красавиц предстает на полотнах А. Г. Венецианова («Портрет М. А. Венециановой в русском костюме», «Портрет купчихи Образцовой») и К. Е. Маковского («Боярышня», «Боярыня у окна», «Боярышня с подносом»). Искусствоведы выделили особый жанровый подвид – головки боярышень в русских национальных головных уборах (кокошники различной формы, с ожерельями, бантами, серьгами, золотыми и жемчужными нитями). Именно такими хотели видеть русские художники и писатели женщин ушедших эпох.

Ряд примеров представляют собой развернутые толкования, напоминающие словарную статью. *«Мы сказали уже, что Подачкина (по имени и отчеству Акулина Саввишна) – барская барыня. Это звание в старину было важное <...>. Она присутствовала при туалете госпожи, заведовала ее гардеробом <...> и играла во дворе своем посредническую роль между властителями и слугами»* («Ледяной дом»). В данном контексте представлено подробное авторское толкование понятия *барская барыня*. Помимо этого, в тексте романов семантизация осуществляется не

посредствам толкования, а средствами использования современных ему эквивалентов некоторых архаизмов. «*А на больших слонах по двенадцати человек, да на всяком по два прапорца (знамя) ...*» («Басурман»).

Во всех вышеприведенных примерах наблюдается авторская позиция «за текстом» – рассказчик плетет текстовую ткань, апеллируя к сознанию получателя. И повествователь, и читатель – не участвуют в действии непосредственно, а являются сторонними наблюдателями.

II. «Перцептивное подключение» читателя.

Автор создает у читателя иллюзию эффекта присутствия в конкретном описанном месте. Этому способствует не только использование глаголов направленного действия (*войдем, взойдем, пришли*), но и глаголов, передающих дополнительные тактильно-сенсорные ощущения (*продеремся, перенесемся, посмотрим*). Писатель локализует пространство и практически физически помещает туда зрителя-читателя: «*Но мы, грешные, войдем на двор к Волынскому, продеремся сквозь толпу ...*» («Ледяной дом»). Такие обращения нужны для того, чтобы читатель почувствовал, что автор «ведет» его по сюжету повествования и обращает внимание своего читателя на определенные эпизоды. Используя местоимение *мы*, автор соотносит себя с читателем, используя доверительный тон общения с адресатом.

Одной из важных тактик, которая способствует погружению в исторический контекст произведений, является **включение в исторический хронотон**.

Локализация пространства посредством частиц.

ВОТ – «указательная частица. Употребляется для указания на наличие кого-чего-л. поблизости в данный момент времени...» [13, с. 744].

«**Вот**, неподалеку от этой горы, сквозь мрак осенней ночи мерещится на берегу Эльбы башня...» («Басурман»).

ЗДЕСЬ – «в этом месте. Противоположно: там». ...» [14, с. 1168].

«**Здесь** владетель Мариенбурга <...> предполагал поставить памятник» («Басурман»).

Локализация пространства посредством детализации.

Автор также может выступать как лицо, непосредственно знакомое с героями романов. «Один был *старичок небольшого роста, начинавший горбиться под ношею лет; темные волосы тенили серебряные кудри его; от маковки головы до конца век врезался глубокий шрам* <...> но вы, вероятно, узнали сказочника, Афанасия Никитина. Скажем, что он *здесь* казался десятью годами моложе, нежели *мы его видели в тюрьме*» («Басурман»), здесь – рассказчик, лицо, непосредственно знакомое с Афанасием Никитиным. Прибегая к его подробной характеристике: *небольшого роста, темные волосы, серебряные кудри, маковка головы, глубокий шрам*, автор дает понять читателю, что не понаслышке знаком с тем, о ком идет речь. Фраза последнего предложения *мы его видели*, а также глагол *скажем* очевидно проявляет личность автора-рассказчика, который строит свое повествование в виде беседы с читателем.

III. Эмотивное подключение к тексту читателя.

«Эмоциональная позиция» автора может выражаться несколькими способами: слова-маркеры (*главное, самое важное, надо, нужно* и т.п.), оценочная лексика, вводные слова и вводные конструкции и т.п. Субъективная модальность в данном случае выражается посредством эмоциональных маркеров: междометий, частиц, слов в прямом оценочно-характеризующем значении, слов в переносном оценочно-характеризующем значении, метафор, лексических фразеологизмов.

И. Р. Гальперин считает, что «непосредственным выразителем субъективно-оценочной модальности высказывания является междометие» [6, с. 120]. «По-видимому, можно говорить о междометном значении как особом виде лексического значения, которое связано с выражением субъективного отношения говорящего к действительности и является ситуативно и интонационно обусловленным» [12, с. 33].

«*Боже мой! он – карбонарий, сказали бы в наше время*» («Последний Новик»). Междометие *Боже мой* употребляются в текстах романов И. И. Лажечникова для выражения эмоций, которые, по мнению автора, соответствовали бы описанию: удивления, испуга, возмущения и т.п.

Субъективно-модальное отношение автора к сообщаемому или описываемому выражают модальные частицы. В текстах романов И. И. Лажечникова частицы

расставляют определенные акценты: усиливают определенное значение фразы, делают на чем-то акцент, выражая согласие или несогласие, сомнение или неуверенность, удивление или возмущение и т.п. – *неужели, разве*.

Со значением удивления: *«Неужели в самом деле оплошал? О! нет, это была тонкая проделка»* («Басурман»).

К модальным нами были отнесены частицы, которые выражают авторское согласие или отрицание. *«И действительно, это был сынок барской барыни»* («Ледяной дом»).

Помимо этого, модальная частица *действительно с частицей ли* выражает в текстах романов И. И. Лажечникова сомнение автора, его неуверенность. *«Действительно ли это так – не ведаем...»* («Ледяной дом»).

Таким образом, модальные частицы вносят в текст дополнительные смысловые оттенки. Они связаны, в первую очередь, с точкой зрения говорящего – автора или героев, который оценивает содержание высказывания.

По мнению Ш. Балли, Е. М. Вольф, В. Н. Телии и других, модальность тесно связана с категорией оценочности. Подобные примеры представлены и в романах И. И. Лажечникова. *«Какая досада, какая мука! следы огромных ступней <...> провели дорожку к шкапу»* («Басурман»). Синтаксическая конструкция «какой + имя существительное или прилагательное» выражает значение высокой оценки, высокой степени проявления признака. В данных контекстах это проявление досады, отчаяния.

«Несколько домочадцев <...> бросилось было, чтобы схватить Хабара...» («Басурман»). В данном контексте лексема 'было' выступает в роли частицы, при помощи которой возникает значение неполноты действия, неожиданного его прекращения.

«Кушай, любезный, на здоровье» («Последний Новик»). В предложении значение соответствия желаемому выражается при помощи словоформы «повелительное наклонение глагола + на здоровье». В контекстах представлено пожелание делать что-либо в соответствии с чьим-либо желанием.

«*То и дело* начали приезжать в Москву передовые великого князя» («Басурман»). Фразеологизм *то и дело* значение «постоянно, часто». Помимо этого, употребление глагола несовершенного вида подкрепляет значение регулярности.

«*Думаешь, отъехал от них; посмотришь, тут как тут* <...>» («Басурман»). Словосочетание *тут как тут* выражает оценочно-характеризующие значения интенсивности и собственно-оценочные значения

Определенный пласт в исторических романах И. И. Лажечникова занимает оценочная лексика, характеризующая предмет или явление действительности. В текстах встречается бранная лексика: *дурак, харя*. «*Вот покажется ужасная харя с мышинными ушами*» («Басурман»).

Имеются вводные слова, представляющие апелляцию к читателю: «*Впрочем, она пользовалась властью* <...> *для послабления их обязанностей*» («Последний Новик»). И. И. Лажечников использует вводное слово *впрочем*, указывающее на возможность или предположение. Помимо этого, оно помогает писателю расставить нужные акценты и приблизиться к читателю.

В текстах исторических романов представлены риторические вопросы: «*Боже мой! Что за веселье на дворе у кабинет-министра* <...> *Волынского?*» («Ледяной дом»). С их помощью автор привлекает внимание читателя.

Нужно отметить и использование восклицательных предложений, помогающих автору выразить разнообразные эмоции – возмущение, восхищение, удивление и др. – в связи с теми или иными описываемыми событиями. «*Вот причины моего предубеждения к Лифляндии!*» («Последний Новик»).

В текстах исторических романов И. И. Лажечникова используются разнообразные способы передачи субъективного отношения автора к своим героям, а также персонажей к тому, о чём они говорят.

ВЫВОДЫ

Итак, в своей работе мы проанализировали те языковые средства, которые способствуют выявлению особенностей прагматического уровня языковой личности И. И. Лажечникова. Номинация *говорящий* в нашей работе используется буквально,

по отношению к автору-рассказчику – повествователю, оказывающему влияние на развитие сюжета. Это представляется целесообразным, так как в исследуемых текстах И. И. Лажечникова используется «авторское включение», то есть образ автора прямо позиционируется с помощью перволичного местоимения единственного или множественного числа или аналогичных форм. И. И. Лажечников-автор не растворяется в повествовании, он присутствует как конкретное действующее лицо, имеющее собственное мнение о происходящем в романах, собственный характер и собственные привычки. Возникает диалог с читателем, позволяющий создать атмосферу причастности, вовлеченности и сопереживания читателя описываемым событиям и героям. Как ключ к рассмотрению прагматического компонента в структуре языковой личности используется понятие модальность.

Основные признаки прагматикона писателя:

1. Универсальная авторская стратегия по отношению к описываемому.

Во всех романах Лажечников использует универсальную стратегию: автор – полноправный участник событий, описанных в романах. То есть во всех романах есть прямые обращения к читателю.

2. Универсальные языковые тактики в текстах.

1) перволичный дейксис (использование местоимения 1 лица – *я* и *мы* и аналогичных конструкций),

2) диалогичность (автор вступает в диалог с читателем),

3) авторские детальные описания,

4) включение в исторический хронотоп;

5) голос автора в ткани текста (использование разнообразных языковых средств).

Таким образом, писатель предстает не только как автор, написавший романы, но и как конкретный человек со своими вполне определенными прагматическими намерениями, которые можно выявить в контексте.

В качестве перспектив исследования можно рассматривать изучение языковой личности И. И. Лажечников как создателя исторических романов с точки зрения вербально-семантического и когнитивного уровней.

Список литературы

1. Абрамов, Б. А. Текст как закрытая система языковых знаков [Текст] / Б. А. Абрамов // Лингвистика текста: материалы научной конференции. Ч.1. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1974. – С. 3-4.
2. Апресян, Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) [Текст] / Ю. Д. Апресян // Русский язык: Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке: Виногр. чтения XIX-XX. – М.: Наука, 1992. – С. 45-64.
3. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке [Текст] / В. В. Виноградов // Виноградов, В. В.: Исследования по русской грамматике: Избранные труды [Текст] / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1975. – С. 53-87.
4. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы: избранные труды [Текст] / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
5. Виноградов, В. В. Проблемы русской стилистики [Текст] / В. В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1981. – 320 с.
6. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 386 с.
7. Караулов, Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения [Текст] / Ю. Н. Караулов // Язык и личность: сб. статей. – М.: Наука, 1989. – С. 3-11.
8. Караулов, Ю. Н. Опыт типологизации авторских словарей [Текст] / Ю. Н. Караулов // Русская авторская лексикография XIX–XX веков. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 4-16.
9. Лотман, М. Ю. Статьи по семиотике и типологии культуры [Текст] / М. Ю. Лотман. – Таллин: Александра, 1992. – 472 с.

10. Орехова, Е. Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции [Текст] / Е. Н. Орехова. – М.: МГОУ, 2011. – 294 с.
11. Русская грамматика. Том 2. Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – 710 с.
12. Рыжкина, О. А. Лексико-семантические и грамматические особенности междометий и их функционирование в речи (на материале анализа пьес А. Н. Островского и А. П. Чехова) [Текст] / О. А. Рыжкина. – Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2009. – 190 с.
13. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Под. ред. В. И. Чернышева. – М.-Л.: АН СССР, 1951. – Т. 2. – 1393 с.
14. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Под. ред. В. И. Чернышева. – М.-Л.: АН СССР, 1955. – Т. 4. – 1366 с.
15. Химик, В. В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке [Текст] / В. В. Химик. – Л.: Изд-во Ленинградского университета. 1990. – 184 с.
16. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи [Текст] / Н. Ю. Шведова. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 378 с.

References

1. Abramov B. A. *Tekst kak Zakrytaya Sistema Yazykovykh Znakov. Lingvistika Teksta: Materialy Nauchnoi Konferentsii. Ch.1.* [Text as a closed system of linguistics signs] Moscow: MGPIYa im. M. Toreza Publ., 1974. Pp. 3-4.
2. Apresyan Yu. D. *Konnotatsii kak Chast Pragmatiki Slova (leksikograficheskii aspekt). Russkii Yazyk: Problemy Grammaticheskoi Semantiki i Otsenochnye Faktory v Yazyke.* [Connotations as Part of the Word's Pragmatics (Lexicographical Aspect). *Russkii Yazyk: Problems of Grammatical Semantics and Evaluation Factors in the Language*]. Moscow: Nauka Publ., 1992. Pp. 45-64.
3. Vinogradov V. V. *O Kategorii Modalnosti i Modalnykh Slovakh v Russkom yazyke. Issledovaniya po Russkoi Grammatike: Izbrannye trudy.* [About the Category of Modality and Modal Words in Russian. Research on Russian Grammar. Selected Works]. Moscow: Nauka Publ., 1975. Pp. 53-87.

4. Vinogradov V. V. *O Yazyke Khudozhestvennoi Prozy: Izbrannye trudy*. [About the Language of Fiction. Selected Works]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 360 p.
5. Vinogradov V. V. *Problemy Russkoi Stilistiki*. [Problems of Russian Stylistics]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1981. 320 p.
6. Galperin I. R. *Tekst kak Obyekt Lingvisticheskogo Issledovaniya*. [Text as the Object of Linguistics Research]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 386 p.
7. Karaulov Yu. N. *Russkaya Yazykovaya Lichnost i Zadachi yeyo Izucheniya. Yazyk i Lichnost: Sbornik Statei*. [Russian Language Personality and the Tasks of Studying it]. *Yazyk i Lichnost*. Collected works. Moscow: Nauka Publ., 1989. P.3-11.
8. Karaulov Yu. N. *Opyt Tipologizatsii Avtorskikh Slovari. Russkaya Avtorskaya Leksikografiya 19–20 vekov*. [Experience in the Typology of Author Dictionaries. Russian Author Lexicography of the 19-20th Centuries]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2003. Pp. 4-16.
9. Lotman M. Yu. *Statyi po Semiotike i Tipologii Kultury*. [Articles on Semiotics and the Typology of Culture]. Tallin: Aleksandra Publ., 1992. 472 p.
10. Orekhova E. N. *Subyektivnaya Modalnost Vyskazyvaniya: Forma, Semantika, Funktsii*. [Subjective Modality of the Utterance: Form, Semantics, Functions]. Moscow: MGOU Publ., 2011. 294 p.
11. *Russkaya Grammatika. Tom 2. Sintaksis*. [Russian Grammar. Volume 2. Syntax]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 710 p.
12. Ryzhkina O. A. *Leksiko-Semanticheskie i Grammaticheskie Osobennosti Mezhdometii i ikh Funktsionirovanie v Rechi (na Materiale Analiza pes A. N. Ostrovskogo i A. P. Chekhova)*. [Lexico-Semantic and Grammatical Features of Interjections and their Functioning in Speech (on the Material of the Analysis of Plays by A. N. Ostrovsky and A. P. Chekhov)]. Tambov: Tambovskii gosudarstvennyi universitet im. G. R. Derzhavina Publ., 2009. 190 p.
13. *Slovar Sovremennogo Russkogo Literaturnogo Yazyka: v 17 t. V. I. Chernyshev*. [Dictionary of the Modern Russian Literary Language in 17 v]. Moscow-Leningrad: AN SSSR Publ., 1951. V. 2. 1393 p.

14. *Slovar Sovremennogo Russkogo Literaturnogo Yazyka: v 17 t.* V. I. Chernyshev. [Dictionary of the Modern Russian Literary Language in 17 v]. Moscow-Leningrad: AN SSSR Publ., 1951. V. 4. 1366 p.
15. Khimik V. V. *Kategoriya Subektivnosti i ee Vyrazhenie v Russkom Yazyke.* [The Category of Subjectivity and its Expression in Russian]. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta. 1990. 184 p.
16. Shvedova N. Yu. *Ocherki po Sintaksisu Russkoi Razgovornoj Rechi.* [Essays on the Syntax of Russian Colloquial Speech]. Moscow: Izdatelstvo AN SSSR, 1960. 378 p.

**THE REPRESENTATION PECULIARITIES OF THE LINGUISTIC
IDENTITY'S PRAGMATIC COMPONENT OF I.I. LAZHECHNIKOV IN THE
TEXTS OF HISTORICAL NOVELS**

Chumak-Zhun I.I., Proskurina L.V.

Summary. The article deals with the role of the pragmatic component in the study of the linguistic personality of I.I. Lazhechnikov (by the material of the novels «The Last Novik», «Ice house» and «Basurman»). It is reasonable to correlate a pragmatic element with modality, as the basis of our understanding of pragmatics, and modality are perceptions about the attitude of the speaker to express. It is the modality that gives the key to the consideration of the pragmatic component in the structure of the linguistic personality. The material of the study was the sentences containing a subjective modality. The basic communicative strategy of I.I. Lazhechnikov is defined: the author is a full participant of the events described in the novels. It is called specific tactics: previous deixis; dialoguing; author's detailed descriptions; the inclusion of historical chronotop; the author's voice in the text. Thus, the purpose of the article is to identify formal correlates of pragmatic level in the structure of I.I. Lazhechnikov's linguistic personality.

Key words: pragmatics, linguo-pragmatics, modality, speech act, linguistic personality, the historical novel.